

Где бы ни свирепела стужа — будь то весенняя сырость или зимний мороз — на Пике Вечных Осеней неизменно царило мягкое тепло.

Погожим послеполуденным часом Лу Гуйсюэ уединился в своих покоях. Вызвав Систему в сознании, он небрежно произнёс:

— Кончай отлынивать, помоги кое-что найти.

— Вовсе я не отлыниваю! Я, между прочим, изо всех сил поддерживаю стабильность этого мира — прошлый сбой до сих пор не ликвидирован! А вот работать на тебя поисковиком — это и есть самое настоящее отлынивание, — недовольно проворчала Небесная Книга Создания. — И что же ты ищешь?

— Древний фолиант. Называется «Писание Сердца».

Небесная Книга Создания ненадолго умолкла, а затем в её голосе зазвучала обречённость:

— Ты же не собираешься...

— Ага. Найдёшь — скопируй мне текст, будь любезен, — с лёгкостью отмахнулся Лу Гуйсюэ.

Он держался так, будто просил какую-нибудь развлекательную книжонку, продающуюся на каждом углу за пару медяков, а не бесценную рукопись, принадлежавшую настоятелю Цзяланю — бессмертному праведнику на стадии Великого Восхождения.

Это древнее учение укрепляло не только духовный настрой, но и само божественное сознание.

Лу Гуйсюэ уже давно смирился: в этой жизни с его немощным телом о стяжании бессмертия нечего и помышлять. Единственным, в чём он всё ещё превосходил прочих, оставалась его духовная сущность.

Ещё в прошлой жизни он заметил: вероятно, из-за особой связи с этим миром его разум и душа были несравнимо крепче, чем у обычных заклинателей.

От безделья в последнее время смертельно одолевала скука, так почему бы не применить свои сильные стороны? «Писание Сердца» подходило идеально.

И как же к месту пришли возможности Системы! Иначе выманить подобное сокровище из рук настоятеля Цзяланя было бы несбыточной мечтой.

— Готово. Переписывай сам, — буркнула Система и спроецировала древние знаки прямо в

сознание Лу Гуйсюэ.

Достав кисть и бумагу, Лу Гуйсюэ принялся за работу, нанося иероглифы в современном упрощённом написании. Так, даже если рукопись случайно попадёт в чужие руки, никто не сможет разобрать ни слова.

Текст «Писания Сердца» отличался крайней запутанностью и мудростью. Писать гладко не получалось, и дело продвигалось медленно. Лишь когда солнце склонилось к западу и на землю спустились сумерки, он наконец поставил последнюю точку, списав трактат целиком.

Лу Гуйсюэ отложил кисть, сшил исписанные листы в аккуратный том и убрал его в пространственное хранилище.

Закончив с делами, он размял затекшие плечи и, выйдя из покоев, бросил взгляд во двор.

Темнота уже вступила в свои права. На Пике Вечных Осеней один за другим загорались мягкие огни, питаемые магическими кругами. Но во дворе стояла тишина — никто так и не вернулся.

— Странно... — тихо пробормотал он про себя.

Послеполуденные занятия в Зале Познания Дао длились всего один двухчасовой отрезок. По всем расчётам они давно завершились. Отчего же Шэнь Лоухань до сих пор не дома?

Как раз стояли весенние заморозки, и ночной воздух обжигал ледяной сыростью.

Вернувшись в комнату, Лу Гуйсюэ накинул подбитую белоснежным мехом лисьей шубку, укутался поплотнее в пушистый воротник и ступил на массивный знак перемещения Пика Вечных Осеней, направляясь к Залу Познания Дао.

Ночь дышала сырой прохладой, густая роса осела на синеватые плиты перед Залом Познания Дао, и Лу Гуйсюэ на каждом шагу казалось, что ноги вот-вот поедут по скользкому камню. Он и без того двигался неспешно, а теперь и вовсе еле переставлял ноги.

Переступив порог, он застал абсолютное безмолвие. В пустынном зале оставался лишь Шэнь Лоухань: юноша сжался в клубок прямо над низким письменным столом и крепко спал.

Лу Гуйсюэ бесшумно приблизился. Его шаги всегда отличались невесомостью, так что разбудить юношу он не боялся.

Бросив взгляд на разложенную на столе стопку бумаги со списанным наполовину «Канонем Чистоты и Покоя», он сразу всё понял: Шэнь Лоуханя наказали.

Наставники в Зале Познания Дао славились своей суровостью. Стандартной карой бывало требование переписать текст не менее сотни раз — работа как раз на всю глухую ночь.

Руки Шэнь Лоуханя остыли от ночного сквозняка и были холодны как лёд. Лу Гуйсюэ мысленно прикинул свои силы и со всей очевидностью осознал: с его болезненной немощью перетащить юношу на Пик Вечных Осеней нечего и пытаться.

К тому же, если «Канон» останется недописанным, бедняге завтра снова достанется от наставника.

Старейшины Зала Познания Дао отличались не только строгостью, но и редким упрямством. Попытайся Лу Гуйсюэ вступить за ученика, это возымело бы ровно противоположный эффект — в своё время эти заскорузлые старцы без колебаний драли розгами и заставляли переписывать сутры даже юных бессмертных господ, ни капли их не опасаясь.

Завоевывать расположение следует с малого.

Опустившись на циновку подле Шэнь Лоуханя, Лу Гуйсюэ расстегнул накидку из белого лисьего меха и осторожно, едва дыша, укутал плечи юноши. Затем, потянувшись к оставленным на краю стола кисти и туши, принялся дописывать за него строчки канона.

Вокруг царил беззвучная ночная тишь, нарушаемая лишь редким заунывным пением сверчков.

Лу Гуйсюэ и без того провёл весь день за переписыванием. Постепенно пальцы начали неметь, навалилась свинцовая дремота, веки стали наливаться тяжестью.

Лишь когда предрассветный край неба начал слегка светлеть, окрашиваясь в бледные тона, он прикинул, что требуемый объём выполнен. Стоило ему облегчённо перевести дух, как разум мгновенно померк, и он провалился в небытие.

Он всё-таки слишком переоценил стойкость своего немощного тела.

Едва ли он сам смог бы ответить, уснул ли он в то мгновение от изнеможения или попросту потерял сознание.

Когда первые лучи утреннего солнца скользнули в окно и коснулись Шэнь Лоуханя, к нему вернулось чувство реальности. Первым, что он ощутил, было ласковое, укутывающее тепло.

Стоило ему шевельнуться, как подбитая мехом накидка с соскальзывающим шорохом съехала с

его плеч. Перехватив её смущённым движением, юноша мгновенно очнулся от сна.

Перед ним лежал Лу Гуйсюэ, прислонившись к краю стола. Стопка бумаги с «Каноном Чистоты и Покоя», брошенная накануне недописанной, теперь была исписана до последнего требуемого знака.

Хрупкий, болезненный учитель остался в одном тонком одеянии, а его тёплая лисья шубка укрывала ученика.

Шэнь Лоухань обомлел. Как Учитель мог...

Он невольно наклонился ближе, всматриваясь в его лицо.

Лу Гуйсюэ сидел с плотно смеженными веками, его изящные брови были болезненно сдвинуты к переносице, а на бледных щеках пылал нездоровый лихорадочный румянец.

Сердце Шэнь Лоуханя ёкнуло. Встревожившись, он поспешно распахнул лисий мех и плотно укутал им худые плечи учителя, с трудом подавив дрожь в голосе:

— Учитель?..

Ответа не последовало.

Наклонившись ещё ближе, Шэнь Лоухань услышал тяжёлое, прерывистое дыхание.

Он коснулся лба Лу Гуйсюэ — ладонь обжег лихорадочный пыл, лоб был влажным от горячего пота.

Жар! Дело дрянь.

За последние дни Шэнь Лоухань наслушался сполна о хрупком здоровье своего наставника, поэтому у него мгновенно земля ушла из-под ног. Не теряя ни секунды, он подхватил Лу Гуйсюэ вместе с пушистой шубой на руки, сжимая в уме единственную мысль: скорее на Пик Вечных Осеней!

Поднимая учителя, Шэнь Лоухань на мгновение оцепенел.

Лу Гуйсюэ казался невесомым. Даже будучи юношей, не достигшим зрелости, Шэнь Лоухань поднял его без малейшего усилия — будто держал в руках лёгкое лебяжье перо.

До начала утренних занятий в Зале Познания Дао оставалось ещё много времени, лишь

единицы самых прилежных адептов оказались на улице и своими глазами увидели, как Шэнь Лоухань стремительно мчится с Лу Гуйсюэ на руках.

У двоих от этой картины свитки из рук вывалились.

Разве в секте не болтали, будто Бессмертный господин Лу с Пика Вечных Осеней держится с учеником холодно, сурово наказывает и ни во что не ставит? Все думали, у них вражда не на жизнь, а на смерть, но почему же сегодняшнее зрелище говорит об обратном?!

Шэнь Лоухань вбежал на площадку перемещения, чувствуя, как мелкая дрожь бьёт в пальцах.

«Быстрее, ну же, быстрее...» — молился он про себя.

Вспыхнул ослепительный узор магического круга, и в мгновение ока они оказались на Пике Вечных Осеней.

Едва вскинув взгляд, юноша обомлел: посреди двора стояла девица несказанной красоты в лазурно-белом платье, с лучистыми глазами и белоснежной улыбкой. На её локтях покоился полупрозрачный зелёный шарф, клубившийся вокруг талии подобно лёгкой туманной дымке — от всей её фигуры веяло возвышенным, бессмертным благородством.

Шэнь Лоухань не успел даже сообразить, кто перед ним, как красавица, пыша гневом, уже устремилась к ним быстрыми шагами:

— Нынче же день осмотра! Куда тебя унесло с самого утра?!

Вернувшись в благодатное тепло и ощутив дыхание защитных заклинаний Пика Вечных Осеней, Лу Гуйсюэ немного пришёл в себя. Услышав знакомый голос, он с трудом разлепил веки и слегка охрипшим голосом позвал:

— Старшая сестра...

Владычица Пика Туманной Дымки, Су Ваньэнь, с детских лет увлекалась ядами, но небесный дар у неё оказался к целительству.

В молодые годы, силясь освоить искусство ядов в Зале Познания Дао, она годами зубрила ядовитые фолианты, однако результаты уступали утренней подготовке к экзаменам по медицине. Позже, случайно взявшись за древний врачебный канон, она с лёту постигла его суть и со временем снискала славу величайшей врачевательницы в мире заклинателей.

Подойдя ближе и разглядев бледное лицо Лу Гуйсюэ, Су Ваньэнь ахнула от испуга, а затем с новой силой вспыхнула от досады:

— Да как же тебя уразедало?! Учитель только за порог ступил, а ты уже доводишь себя до полусмерти?!

— Прости, старшая сестра... Моя вина, — поспешно прошелестел Лу Гуйсюэ. Перед Су Ваньэнь он всегда демонстрировал идеальное покаяние, ни единым словом не перечая. Проявлял, так сказать, трусость... То есть глубочайшее уважение и любовь к лекарям.

Пословица не врёт: лекаря обидишь — быстрее в гроб ляжешь, так что гневать целителей себе дороже.

— Ох, ты у меня доиграешься! В гроб меня сведёшь! — вздохнула Су Ваньэнь. Видя, как он кротко признаёт вину и как горячка сушит его тело, она не смогла дальше браниться.

Обернувшись к Шэнь Лоуханю, она распорядилась:

— Ты ведь племянник Шэнь, так? Неси своего учителя в покои.

Лу Гуйсюэ, разгорячённый жаром, лишь сейчас осознал, что всё это время Шэнь Лоухань нёс его на руках. Смутившись, он попытался высвободиться:

— Всё в порядке... Всего лишь подхватил простуду, я и сам дойду.

Шэнь Лоухань не только не разжал рук, а напротив — сжал объятия ещё крепче.

Его губы оказались совсем близко от уха наставника, и тихий шёпот зашекотал кожу:

— Учитель, позвольте мне... Иначе совесть сжрёт меня без остатка.

— Да с чего бы тебе винить себя? Ты ведь ни в чём не виноват, — слабым голосом прошептал Лу Гуйсюэ.

Его обескровленные губы выглядели так беспомощно, что у Шэнь Лоуханя от этого вида болезненно сжалось сердце.

— Учитель, — вновь позвал юноша и упрямо уставился ему прямо в глаза, не произнеся больше ни слова.

Лу Гуйсюэ в конце концов сдался — голова раскалывалась от жара, и спорить сил не

оставалось.

Следуя указаниям Су Ваньэнь, Шэнь Лоухань отнёс учителя в спальню и осторожно уложил на постель. После этого он долго ещё помогал старшей сестре-наставнице, снуя туда-сюда и принося нужные снадобья и отвары.

Тем временем Су Ваньэнь снова не удержалась от упрёка:

— Подумаешь, наказали списыванием канонов! Кого из нас в юности не драли старшины Зала Познания Дао? И с каких это пор учитель отбывает наказание за ученика?! Если продолжишь в том же духе, я умываю руки и больше палец о палец ради тебя не ударю!

Лу Гуйсюэ оставалось лишь виновато улыбаться да обещать, что подобное больше никогда не повторится.

Лишь когда лихорадка спала и состояние больного стабилизировалось, Су Ваньэнь, оставив исправленный рецепт отвара, со спокойной душой покинула Пик Вечных Осеней.

Шэнь Лоухань остался у постели. Заснув, Лу Гуйсюэ сжался под одеялом в калачик, подогнув ноги, — ни дать ни взять пушистый снежный ком.

На душе у Шэнь Лоуханя кошки скребли.

Всё, что произошло только что, казалось столь естественным и исполненным тепла... Словно между ними и впрямь царило согласие, какому позавидовали бы любые учитель и ученик.

Шэнь Лоухань старался гнать эти мысли прочь, но в глубине его сознания вопил отчаянный голос:

«Лу Гуйсюэ... Если всё это лишь притворный спектакль, зачем играть настолько убедительно?»

«Настолько, что я... едва не поверил тебе вновь».

«Но я не смею».

Агония Демонической тюрьмы — невыносимая боль, разрывающая плоть, расплавляющая кости — всё ещё тлела на самом дне его памяти.

И всё же куда страшнее адских мук был ледяной, беспощадный взмах меча, которым Лу Гуйсюэ сбросил его в ту бездну.

«Учитель... Я больше никогда не осмелюсь тебе поверить».

<http://bllate.org/book/20383/2118524>